

DOI 10.24412/1026-8804-2024-1-142-167

УДК 94.519

Республика Корея в системе международных отношений в Северо-Восточной Азии в период 2010—2020 гг.

Николай Дмитриевич Анча,

аспирант Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: nikolayancha@gmail.com

В статье предпринимается попытка анализа внешней политики Республики Корея в период её современной истории в контексте растущей напряжённости в отношениях КНР и США и кризиса, связанного с ядерным оружием в КНДР. Хронологический период исследования, 2010-е гг., является временем значительного усложнения обстановки в регионе: произошёл ряд важных событий международного масштаба, повлиявших на политическую жизнь Южной Кореи. Среди них «ракетный кризис» на Корейском полуострове в связи с объявлением Северной Кореи державой, обладающей ядерным оружием, Крымский кризис и санкции против России в 2014—2015 гг. Все эти события нашли отражение в контексте как геополитической динамики, так и экономических изменений второго десятилетия XXI в. Перемены, связанные с политическими событиями в АТР, сопровождаются смещением глобальных трендов экономического и социологического характера, которые оказывают долгосрочное влияние на внешнюю и внутреннюю политику стран региона. Среди них изменения в торговом балансе стран региона, изменение общественных настроений. В статье предпринимается попытка исследования характерных особенностей внешнеполитического курса Республики Корея в рассматриваемый период, процесс их трансформации с приходом к власти новых правительств в стране. Цель данного исследования — показать степень зависимости Южной Кореи от меняющейся архитектуры международных отношений на рубеже 2010—2020 гг. Страна, географически находясь на «середине пути» между Китаем и Японией, вынуждена проводить осторожную внешнюю политику в регионе, сохраняя баланс

интересов экономики и национальной безопасности. На примере политических отношений Японии и Южной Кореи в статье демонстрируется важность факторов культурных различий и исторической памяти в формировании международных отношений в Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Южная Корея, Республика Корея, Китай, Россия, Япония, Северо-Восточная Азия, геополитика, внешняя политика, экономика.

The Republic of Korea in the System of International Relations in Northeast Asia between 2010 and 2020.

Nikolay Ancha, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: Nikolayancha@gmail.com.

The paper attempts to analyze the foreign policy of the Republic of Korea during its modern history in the context of the growing tension in the relations between China and the United States and the crisis related to nuclear weapons in the DPRK. The 2010s, a chronological period of the research, is a period of significant complication of the international situation in the Pacific region. At that time, a number of important international events took place that profoundly influenced the political life of South Korea. Among them are the “missile crisis” on the Korean peninsula due to North Korea’s declaration as a nuclear-weapon state, the Crimean crisis and sanctions against Russia in 2014—2015. All these events were reflected in the context of both geopolitical dynamics and economic changes in the second decade of the twenty-first century. The changes related to political events in the Asia-Pacific region are accompanied by shifts in global economic and sociological trends that have a long-term impact on the foreign and domestic policies of the countries of the region. Among them are the changes in the trade balance of the region’s countries and changes in public sentiments. The purpose of this paper is to study the characteristic features of the foreign policy of the Republic of Korea during this period, the process of their transformation with the new governments in the country. The purpose of the study is to show the degree of South Korea’s dependence on the changing architecture of international relations between 2010 and 2020. The country, geographically located between China and Japan, is forced to pursue a cautious foreign policy balancing the interests of the economy and national security. Using the example of political relations between Japan and South Korea, the paper demonstrates the importance of factors of cultural differences and historical memory in the formation of international relations in the Pacific region.

Keywords: South Korea, Republic of Korea, China, Russia, Japan, North-east Asia, geopolitics, foreign policy, economy.

Внешнеполитическая концепция Республики Корея исторически заключалась в следовании принципу прагматизма в международных отношениях, при этом в вопросах международной безопасности государство остаётся верным военному союзу с Соединёнными Штатами. Однако региональное измерение внешней политики, выражающееся в выстраивании дипломатических отношений с соседними странами, демонстрирует достаточно широкое разнообразие подходов и векторов взаимодействия. Во внешнеэкономическом выражении Южная Корея на протяжении своей современной истории стремится к выстраиванию продуктивных отношений со всеми партнёрами, при этом фактор принадлежности к политическим блокам играет второстепенную роль. Примером этого являются экономические отношения с Китаем, менее чем за десятилетие ставшим ключевым внешнеторговым партнёром страны по объёму торговли и глубине экономического сотрудничества. При этом очень важным фактором региональной дипломатии остаётся сложная политическая история региона и взаимоотношений стран, которые в нём находятся. Во многом именно вопросы политики и исторической памяти обуславливают сложные отношения Республики Корея с Японией. Отдельное и важное место во внешнеполитических концепциях президентов Республики Корея занимает российское направление сотрудничества, выраженное прежде всего в совместных инфраструктурных и культурных проектах. Важность этого направления определяется преимущественно ключевой политической ролью России в урегулировании конфликтов на Корейском полуострове.

Актуальность работы обусловлена фактом глубоких структурных изменений в регионе Северо-Восточной Азии, усилением присутствия США в нём и углублением геополитической напряжённости между США и КНР. В том, что касается региональных политических процессов, Южная Корея исторически разделяла геополитические и экономические векторы внешней политики, занимала в основном оборонительную и деэскалационную позицию. Это, в частности, выразилось в отказе от превентивных мер против КНДР, стремлении к региональной экономической интеграции, нежелании вводить санкции против третьих стран, как в случае с Россией в 2014 и отчасти в 2022 гг. Несмотря на зависимость страны от импорта, внешнеполити-

ческий курс Южной Кореи оставался последовательным на протяжении рассматриваемого периода.

Цель данного исследования — показать степень зависимости Южной Кореи от меняющейся архитектуры международных отношений на рубеже 2010—2020 гг.

Задачи работы:

1. Проанализировать основные характеристики внешней политики Республики Корея в период 2010—2020 гг.
2. Рассмотреть реализацию внешнеполитических взаимодействий страны с КНР, Японией и Россией в контексте меняющейся политической обстановки в регионе Северо-Восточной Азии.

Анализ внешней политики Республики Корея, в том числе в исторической перспективе, проводился исследователями различных научных направлений — историками, экономистами, учёными-международниками. Проблематика внешней политики страны нашла отражение в работах отечественных исследователей — часто в контексте истории отношений России и Республики Корея. Примером такого анализа является статья С.К. Песцова и А.Б. Волынчука «Российская активность и приоритеты в отношениях со странами Северо-Восточной Азии» [18]. Идеологические основы южнокорейской внешней политики раскрываются в статье Е.М. Ермолаевой «Формирование и развитие идеологии внешней политики Республики Корея» [3]. Внешняя политика страны рассматривалась в монографиях, посвящённых международным отношениям в регионе АТР и Северо-Восточной Азии. Примерами могут служить коллективная монография «Азиатско-Тихоокеанский регион и восточные территории России» [5] и исследование «Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы» [7]. Тематика структур безопасности северной части АТР получила всестороннее исследование на страницах научного журнала «Россия и АТР», издаваемого ИИАЭ ДВО РАН [8; 13]. Аспекты внешней политики Республики Корея в контексте региональной политики Северо-Восточной Азии рассматриваются в работах отечественных авторов, в том числе в коллективной монографии «Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008—2020 гг.)» (А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая, И.В. Дьячков) [22]. Особенности российско-южнокорейских отношений среди прочего посвящена монография «У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века» (Г.Д. Толорая) [21], которая в большей

степени затрагивает межкорейские отношения, но также освещает развитие южнокорейской внешней политики на других направлениях, в частности по отношению к Китаю. Работы К.В. Иванова [4], А.Л. Лукина и С.А. Коротича [14; 15], М.П. Куклы [9; 10] и других предлагают комплексную картину внешнеторговой и экономической дипломатии Республики Корея, в частности — на российском направлении. Статья А.Н. Федоровского демонстрирует важность корпоративного фактора во внешней политике Южной Кореи [24].

Современная история внешней политики Республики Корея активно исследуется в англоязычной историографии. Подробный анализ проблематики треугольника отношений Япония — США — Республика Корея был произведён в тематически связанном сборнике публикаций «Asia's Alliance Triangle: US-Japan-South Korea Relations at a Tumultuous Time», над которым работал коллектив авторов, принадлежащих к разным научным направлениям, что позволило хорошо проработать социокультурный аспект исследования [29]. Работа «Diplomacy, Trade, and South Korea's Rise to International Influence», написанная в рамках серии монографий Лексингтонского университета, посвящённых Корее, подробно рассматривает экономическую внешнюю политику [34]. Наконец, геополитический аспект раскрывает работа «South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers» из серии книг о геополитике от исследовательского центра The Council on Foreign Relations [36, с. 55].

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В НАЧАЛЕ XXI в.

Внешнеполитическая концепция Южной Кореи на современном этапе носит многосторонний характер, комбинирующий приверженность военно-политическим обязательствам по отношению к США и поиск экономически целесообразных отношений с практически всеми региональными державами безотносительно их блокового статуса. КНДР была исключением из этого правила ввиду специфического характера межкорейских отношений, однако попытки нормализации отношений предпринимались, в частности, в период действия политики «солнечного тепла» во время президентства Кима Дэ Чжуна и в дальнейшем Но Му Хёна.

В южнокорейской политике при всем её многообразии сложились две основные линии: либеральная, или левая, и консервативная, также именуемая правой. Первая линия направлена на многостороннее сотрудничество в максимально возможной степени, в то время как вторая делает ставку на усиление южнокорейско-американского партнёрства, «жёсткую линию» по отношению к КНДР.

Однако чаще всего приоритет отдавался поиску баланса между этими крайностями. Важной в формировании текущего этапа внешнеполитической концепции страны стала концепция «глобальной Кореи», предложенная консервативной администрацией Ли Мён Бака в 2008 г. [19, с. 58]. Выдвинутая им «Инициатива Новой Азии» подразумевает, что Республика Корея, представляющая собой открытое восточноазиатское общество, становится своего рода мостом между всеми ключевыми странами региона, в первую очередь странами АСЕАН, а союз с США — гарантом стабильности таких взаимоотношений. Политика команды Ли Мён Бака была некоторым отходом от прежнего либерального курса в сторону большей прагматики и сыграла значительную роль в формировании концепций внешней экономической политики страны в следующее десятилетие. В основе политики консервативного президента лежала концепция «средней державы» [2, с. 151—154], которая, не претендуя на региональное политическое лидерство, способна проводить независимую и диверсифицированную региональную политику, ориентированную на прагматичное экономическое сотрудничество и укрепление связей с соседними государствами.

Среди основных характеристик внешней политики администрации Ли Мён Бака можно выделить:

- 1. Направленность на расширение дипломатической сети сотрудничества.** Внешнеполитическое взаимодействие предполагалось расширить за счёт установления прочных связей с развивающимися странами, в числе которых страны АСЕАН (Юго-Восточная Азия), Латинская Америка и страны Ближнего Востока. Это было обусловлено важными репутационными и практическими причинами, первая среди которых — проведение саммита G-20 в Южной Корее и улучшение имиджа страны, представление её как примера успешной политической и экономической модернизации. Другим важным аспектом расширения взаимодействия стал поиск новых

рынков и направлений сотрудничества для южнокорейского бизнеса, расширения сети снабжения страны сырьём и энергоресурсами.

2. Практичная комплексная дипломатия, являющаяся экономическим измерением внешнеполитических инициатив Южной Кореи. Администрация Ли Мён Бака развивала дипломатическую деятельность в нескольких направлениях, главными из которых стали «ресурсная» дипломатия и заключение договоров о свободной торговле (ФТА) с КНР и США. Эти договоры, подразумевавшие поэтапный отказ от взаимных пошлин на основные категории товарного обмена, стали одним из ключевых направлений внешнеэкономической политики Республики Корея во втором десятилетии XXI в. Главной площадкой для подготовки и заключения таких договоров выступали форумы АТЭС. Кроме того, одной из инициатив в рамках новой экономической дипломатии стало расширение сотрудничества с Россией на территории Дальнего Востока страны и создание лучших условий для торговли между государствами.

3. Мирное сосуществование, процветание межкорейских отношений и ориентированная в будущее система безопасности — основные концепции международной безопасности консервативной администрации Ли Мён Бака, предполагавшие пересмотр политики «солнечного тепла», которая была характерна для десятилетия нахождения у власти президентов от «демократов», в сторону более прагматичной и жёсткой линии в отношении КНДР и отказа от усиления экономического сотрудничества с Севером без политических реформ.

Президенты Пак Кын Хе и Мун Чжэ Ин, претворяя в жизнь собственные внешнеполитические идеи в сфере безопасности, в целом оставались верны экономическому подходу администрации Ли Мён Бака. «Евразийская инициатива» Пак Кын Хе была нацелена на укрепление трансевразийских связей и мира на континенте, которые имели важное значение для экономического процветания страны. Мун Чжэ Ин, пришедший к власти после общенационального коррупционного скандала и импичмента Пак Кын Хе, в значительной степени продолжил общий внешнеполитический курс [3, с. 45], разделив после прихода к власти стратегию

международного сотрудничества на две сферы — так называемые новые «северную» и «южную» политики — в направлении Евразии и стран АСЕАН соответственно, с акцентом на смягчение межкорейского конфликта и поиск возможностей для диалога с КНДР.

ОТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

С начала XXI в. КНР является крупнейшим внешнеэкономическим партнёром Республики Корея. На 2011 г. доля Китая в импорте Республики Корея составила порядка 86 млрд долл. от общего объёма импорта в страну, составлявшего 524 млрд долл. в целом. Для сравнения, объём импорта двух других исторически крупнейших экономических партнеров страны, Японии и США, — 68 и 44 млрд долл. соответственно. Южная Корея экспортировала в Китай товаров и услуг на сумму в 90 млрд долл., что сопоставимо с показателями экспорта в США. Южная Корея зависит от поставок продукции сельского хозяйства из Китая, а также продуктов машиностроения и электроники¹. Как отмечает М.П. Кукла, закрепление южнокорейского бизнеса на внутреннем рынке КНР было одной из ключевых задач для страны в 2000-е гг., и она достигла на этом направлении значительных успехов, среди которых — подготовка к подписанию соглашения о свободной торговле (ССТ) [9, с. 84]. Встреча на высшем уровне лидера КНР Си Цзиньпина и президента Республики Корея Пак Кын Хе в ноябре 2014 г. позволила сторонам прийти к предварительному соглашению, которое было подписано в июне следующего, 2015 г. Характер экономических взаимодействий, а также риторика правительства в отношении КНР свидетельствуют о том, что китайское направление дипломатии было приоритетным. В «Белой книге» южнокорейской дипломатии за 2015 г. указывается, что, несмотря на трения, возникшие в результате «стремительного расширения двусторонних торговых отношений», двум странам удалось успешно налаживать и наращивать экономический обмен благодаря консультациям рабочих групп на уровне

¹ Статистика приведена по данным государственной службы статистики Южной Кореи (KOSIS) [32].

министерств [27, с. 264—267]. При общих позитивных оценках соглашения сторонами были выявлены дисбалансы в его исполнении. Так, южнокорейские корпорации сумели сохранить тарифы на ряд товаров конкурентного преимущества, прежде всего продукции промышленного назначения и электроники, которые вступают в прямую конкуренцию с китайскими аналогами. Также сохраняются внеэкономические торговые барьеры для проникновения товаров в Китай, особенно административный [24, с. 151]. В целом первые годы десятилетия унаследовали позитивную инерцию предыдущего периода в политическом аспекте и были временем интенсивного наращивания экономического обмена.

В 2010-е гг. появилось сразу несколько факторов, влиявших на отдаление Южной Кореи от Китая, и они носили главным образом политический характер. Одним из наиболее крупных споров между странами стало размещение принадлежащей США системы противоракетной обороны THAAD на территории Южной Кореи в 2017 г. для защиты от потенциального запуска ракет с территории КНДР [25, с. 62]. Китай, видя в усилении американского присутствия угрозу своим стратегическим возможностям, вступил в дипломатический конфликт с южнокорейской стороной, который привёл к ограниченным экономическим санкциям со стороны Китая [16, с. 131].

Помимо общей активизации китайской внешней политики в азиатском регионе, на общественное мнение южнокорейцев повлияли подавление протестов в Гонконге, усиление в КНР государственного контроля над частной жизнью внутри страны и политика Китая в отношении национальных меньшинств, особенно корейцев в КНР. Изменение общественного отношения к Китаю подтверждают результаты социологических опросов: так, в 2019 г. только четверть жителей Южной Кореи считали Китай надёжным внешним партнёром. Добавим, что более половины южнокорейцев считают, что именно Китай будет главной угрозой гипотетической объединённой Кореи² [30]. Южнокорейские технологические корпорации сокращают присутствие

² Кроме того, как указывают авторы статьи «South Korea Is Caught Between China and the United States» [30], современное состояние отношений между Китаем и Южной Кореей осложняется снижением доверия южных корейцев к политике Китая — более 80% сомневаются, что правительство КНР проводит верную внутреннюю политику. Отметим, что

в Поднебесной и рассматривают перенос производств из Китая, а Samsung уже вывела почти всё производство из этой страны. Подливает масло в огонь и тот факт, что Южная Корея является единственной страной в Евразии, где постоянно располагается крупный и боеготовый военный сухопутный контингент США. Страна оказывается втянутой в конфликт США и Китая даже против её воли. При этом Китай также предпринимал попытки перетянуть Южную Корею на свою сторону — с помощью «мягкой силы», культурных и политических связей. 18 ноября 2020 г. посол КНР Син Хаймин заявил: «История доказала и будет продолжать доказывать, что дружественные отношения возобладают над актом передачи несчастья другим; взаимовыгодное сотрудничество определённо вытеснит игру с нулевой суммой; и многосторонность определённо победит» [1, с. 233].

США считают иначе. Правительство США намерено включить Корею в расширенную версию четырёхстороннего диалога по вопросам безопасности (Quad) — стратегического форума, который США хотят превратить в азиатскую версию НАТО, пригласив туда Южную Корею, Новую Зеландию и Вьетнам. Проект носит название Quad Plus (создан в 2007 г.) — расширенная версия формата стратегического диалога между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе [1, с. 231]. Несмотря на выраженную прозападную позицию текущей администрации, решающего шага в пользу вступления в Quad или его расширенную версию сделано не было.

Охлаждение политических отношений между Республикой Корея и КНР и признаки разделения региона на политические блоки не оказали решающего негативного воздействия на экономические отношения между двумя странами, и в конце 2010-х гг. они остаются интенсивными. На момент 2019 г. (до пандемии COVID-19) общий объём торговли составил более 240 млрд долл., что больше, чем в начале десятилетия. В 2020 г. Южная Корея подписала договор о Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП), который упростил товарный обмен между Республикой Корея, Японией и КНР [23]. Это соглашение является

на эти действия повлияла «политика нулевой терпимости» к COVID-19 и внутренний дискурс СМИ, направленный против Китая.

своеобразным продолжением предыдущего курса на устранение экономических барьеров между странами. Показательны и косвенные факторы: в период 2018—2019 гг. китайские прямые инвестиции в экономику Южной Кореи демонстрировали значительный рост, увеличившись в 2,5 раза по сравнению с предыдущим периодом. Фактически это означает существование параллельной тенденции на укрепление взаимных торговых отношений на институциональном уровне. Таким образом, важность развития экономических отношений фактически не ставится под сомнение двумя сторонами и разделяется с политическим аспектом отношений, а в определённых ситуациях является и инструментом экономической «мягкой силы» по отношению к Южной Корее.

ОТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ЯПОНИИ

Отдельного внимания требует тема южнокорейско-японских отношений. Для Южной Кореи Япония, отделённая от неё Цусимским проливом, является географически близкой страной. При этом взаимоотношения между двумя странами неизбежно носят наследие японской колониальной экспансии: вся территория Корейского полуострова находилась под властью Японии в 1910—1945 гг. С периодом японского господства связано большое количество трагических событий, память о которых сохраняется в южнокорейском общественном сознании и национальном историческом нарративе. Среди них — попытки уничтожить традиционную корейскую культуру, вывоз корейцев на принудительные работы в Японию, проблема «женщин для утешения», а также общая дискриминационная политика в отношении Корейского полуострова, который рассматривался японскими милитаристами в качестве ресурсной базы и плацдарма для дальнейшей экспансии в Китай. В целом справедливо заключение, что большинство противоречий между странами не носит насущного материального или идеологического характера, ключевые причины лежат в исторической памяти и восприятии своих стран в исторической перспективе. Примером является спор вокруг названия Японского моря в Корее. Корея настаивает на названии «Восточное море» для нивелирования политического контекста. Другой пример — спор по поводу островов Лианкур в Японском

море, не имеющих постоянного населения (за исключением немногочисленного контингента пограничной службы и нескольких государственных служащих) [6, с. 37]. Хозяйственная ценность островов ограничена прибрежными водами — их акватория богата рыбными ресурсами. Власти Японии, претендующие на владение островами, прямо указывают на морские ресурсы как на фактор территориальных претензий³.

Несмотря на травму японской колониальной эксплуатации, которая осталась в национальной памяти населения Корейского полуострова, в истории Южной Кореи Япония сыграла важную позитивную роль в послевоенный период: японские инвестиции в молодую южнокорейскую промышленность стали одним из ключевых драйверов роста страны. Хотя формальные дипломатические связи между странами были установлены в 1965 г., японский капитал относительно быстро стал доминирующим по инвестициям. Отметим также, что в структуре японских инвестиций значительную часть занимали вклады, внесённые предпринимателями корейского происхождения, проживающими в Японии. Среди них — японский бизнесмен корейского происхождения Син Гёк Хо, который эмигрировал в Японию ещё в довоенный период и основал там кондитерскую компанию, позже превратившуюся в Lotte Corporation, в будущем — один из крупнейших южнокорейских конгломератов, который приобрёл мировую известность за счёт своих фирменных парков развлечений и ресторанов.

Фактически весь путь японо-южнокорейских экономических отношений в период 1945—2010 гг. был путём от зависимости к взаимозависимости — сначала зависимой была южнокорейская экономика, но к началу последнего десятилетия XX в. стало понятно, что глобализированные экономические отношения уже в одинаковой мере необходимы обеим странам. В целом, как отмечает В.О. Кистанов, начало XXI в. было периодом хороших отношений между Японией и Южной Кореей, «медовым месяцем» двух держав [6, с. 35].

³ Об этом, в частности, говорится в отчёте МИД Японии, посвящённом историческим документам относительно островов Такэсима (японское название оспариваемых территорий в Японском море) [18]. Авторы отчёта неоднократно указывают на развитое рыболовство в районе островов, в том числе в контексте хозяйственного освоения акватории японскими рыбаками в послевоенный период.

Это было время, когда обе экономики оправились от кризиса 1997—1998 гг. Экономическое сотрудничество двух стран росло на протяжении последних 20 лет. В 1998 г. была подписана совместная декларация «о новом партнёрстве в XXI веке», которое предполагалось строить на принципах отношений добрососедства, экономического партнёрства и сотрудничества в установлении мира на Корейском полуострове, недопущения новых эпизодов конфронтации, отказа от дипломатической логики времён холодной войны. Было введено в действие новое торговое соглашение [31; 35].

Наконец, другим ключевым измерением международных отношений в регионе выступает архитектура безопасности Япония—Южная Корея—США, которая связывает воедино три страны со сложной историей взаимоотношений.

Японская концепция безопасности подверглась серьёзным изменениям с приходом на пост премьер-министра Синдзо Абэ—консервативного политика, стремившегося оживить японскую экономику, уже не одно десятилетие находившуюся в стагнации, а также активизировать внешнюю политику. Это выразилось в наращивании и перевооружении морских Сил самообороны Японии (ВМС страны) и расширении их зоны ответственности, активизации «Курильского вопроса» и территориальных споров с Китаем. Одним из новшеств, предложенных новым правительством, стала концепция коллективной безопасности, которая нашла отражение в изменении конституции Японии. В рамках этой концепции (и соответствующих законодательных изменений) Силы самообороны Японии получили возможность участия в вооружённых действиях союзных Японии сил. При этом первые шаги нового правительства характеризуются тенденциями к определённой инклюзивности. При вступлении в должность премьер-министр Абэ отдельно отметил важность взаимоотношений Японии и Южной Кореи, заключив, что «Южная Корея является важной соседней страной, которая разделяет ценности демократии и рыночной экономики» [29, с. 65].

Перемены, принесённые новым премьер-министром, вызвали серьёзные внутренние споры в южнокорейском обществе. С одной стороны, имели место важные подвижки в области безопасности на Корейском полуострове. Япония—ближайший военный партнёр Республики Корея в случае прямой военной конфронтации с КНДР, и возможность

потенциального прямого участия ССО (Сил самообороны) Японии — большое подспорье. С другой стороны, изменения в законодательстве о вооружённых силах и концепции региональной безопасности вызвало тревогу ввиду того, что усиление Японии как союзника США может способствовать углублению геополитического раскола между США и Китаем, в то время как Южная Корея традиционно стремится к балансу во взаимоотношениях со всеми соседями и недопущению эскалации.

Достижением дипломатии обеих стран, хотя и весьма ограниченным и малопопулярным, стало урегулирование одной из наиболее глубоких «ран» в отношениях между двумя государствами — проблемы «женщин для утешения» с территории Кореи (этот термин — эвфемизм для обозначения практики сексуального рабства в милитаристской Японии). Защитники прав человека и южнокорейская дипломатия в течение нескольких десятилетий боролись за восстановление справедливости, составляли списки пострадавших женщин и их потомков. В результате длительных переговоров и под давлением международных гуманитарных организаций премьер-министр Японии Синдзо Абэ и президент Республики Корея Пак Кын Хе пришли к соглашению о компенсации, вызвавшему значительную критику за свою половинчатость. Несмотря на недолговечность соглашения (фактически утратило силу в 2018 г.), компенсации были согласованы, а сам исторический факт существования преступной практики — признан.

Тем не менее активизация решения противоречий между странами, а также споры о безопасности в регионе привели к новому охлаждению отношений. Причина кризиса, как отмечают политологи, лежит в первую очередь в новой волне японского ревизионизма, усиления националистического крыла правящей Либерально-демократической партии, которое подвергло резкой критике практику уступок Южной Корее в вопросах установления исторической справедливости. Для Южной Кореи усиление Японии и фактическое воссоздание наступательных вооружённых сил (с поправками в конституцию) вызывают резонные опасения о возможности военно-политического давления со стороны Токио. Для страны, пережившей в прошлом японскую военную агрессию, эти соображения имеют под собой основания.

К концу 2018 г. отношения между Сеулом и Токио достигли одного из худших периодов в своей истории, когда Верховный суд Южной Кореи обязал две японские компании выплатить компенсацию подневольным корейским работникам. Это решение оспаривало мнение японского правительства о том, что Соглашение о претензиях 1965 г. урегулировало все претензии «полностью и окончательно». Примерно в то же время тогдашний президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин отказался от двустороннего соглашения 2015 г. по решению проблемы «женщин для утешения» [28, с. 99].

В ответ Япония ввела экспортный контроль над поставками химических веществ, используемых южнокорейскими производителями полупроводников, и исключила Южную Корею из своего «белого списка» предпочтительных торговых партнёров. Южнокорейская сторона ответила аналогичными контрмерами, исключив Японию из своего собственного «белого списка» и пригрозив расторжением двустороннего соглашения об обмене военной информацией. Между странами даже началась локальная торговая война, имевшая ограниченные масштабы [33].

Аналитики, наблюдающие за событиями из-за рубежа, оценивают происходившее как пример пагубного воздействия культурных факторов на экономические отношения. Возможными путями решения проблемы для западных аналитиков представляется участие США в качестве посредника и усиление кооперации в рамках военно-политического альянса (треугольника США — Япония — Южная Корея) или в новом формате, на роль которого рассматривается Quad. Однако американская сторона исторически показала себя как достаточно слабый медиатор для внутренних конфликтов стран Азии.

Южная Корея, таким образом, находится на перепутье во всё более разделяющейся Восточной Азии. Советник бывшего президента Мун Чжэ Ина, Мун Чжон Ин, неоднократно указывал, что союз Южной Кореи с Соединёнными Штатами важнее её стратегического партнёрства с Китаем, но противостояние Пекину приведёт к началу новой холодной войны на Корейском полуострове. По его мнению, участие Южной Кореи в многостороннем военном союзе в Индо-Тихоокеанском регионе может дестабилизировать ситуацию, поскольку Китай будет относиться к Сеулу как к противнику.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ В СВЕТЕ «ПОВОРОТА НА ВОСТОК»

Сложным направлением для внешней политики Южной Кореи является Россия, которая остаётся важным торговым партнёром: в стране реализуется продукция автомобильной и электронной промышленности, а из Российской Федерации импортируется топливо. Импорт энергоресурсов из России существенно уступает импорту по другим направлениям, в частности — ближневосточному, тем не менее он является важным в силу географической близости России и Корейского полуострова и относительного удобства логистических линий. Известно, что санкционная активность Южной Кореи была одной из наименьших среди всех стран-партнёров США. Правительство страны фактически не вводило санкций непосредственно после референдума о присоединении Крыма к России и отказалось от прямых недружественных дипломатических шагов.

После введённых в 2014 г. экономических санкций Россия объявила о начале политики «разворота на Восток» с целью укрепления сотрудничества с Китаем и странами Азии, что хорошо сочеталось с евразийскими инициативами Южной Кореи.

Исторически российско-южнокорейские отношения и экономическое сотрудничество на территории Дальнего Востока России были неизменной частью южнокорейской внешнеполитической доктрины. За 30 лет с момента окончания холодной войны был предложен ряд независимых концепций, основным контуром которых было усиление южнокорейского экономического присутствия на востоке России и сотрудничество в энергетической отрасли, имеющей особое значение для Южной Кореи [20, с. 1]. Одной из самых известных таких концепций стала «Евразийская инициатива» [15, с. 102] президента Пак Кын Хе. Как отмечает А.Л. Лукин, «Евразийская инициатива» основывалась на изменении имиджа Южной Кореи как государства, ориентированного на Тихоокеанский регион и США, в сторону диверсификации внешней политики страны и создания нового имиджа, подразумевающего независимую внешнюю политику, открытую для сотрудничества со всеми

участниками международных отношений. В деле формирования имиджа страны особая роль отводилась публичной дипломатии, культурному и научному сотрудничеству. Экономическая компонента данной концепции сфокусирована на реализации транспортно-логистических проектов, интенсификации транспортного сообщения и грузоперевозок и усилении торговли между странами региона. Связующим элементом инициативы стала безопасность, играющая традиционно важную роль во внешнеполитических стратегиях Республики Корея [17, с. 1322].

Ключевым скрепляющим фактором, обеспечивающим безопасность в регионе, по мысли создателей концепции, являлось доверие — как на уровне правительств стран, так и на уровне личного взаимодействия их руководства, что представляется важным в условиях ярко выраженного персонализма политических систем ряда стран Центральной и Восточной Азии. Важная роль России в реализации внешнеполитических инициатив отражена, в частности, в «Белой книге» южнокорейской дипломатии за 2014 г. [26]. В отношении России новая политика предполагала развитие сотрудничества в расширении транспортных возможностей портов Дальнего Востока России, усиление культурного обмена двух стран. В документе признаётся важная роль российской стороны в укреплении безопасности на территории Корейского полуострова и снижении военно-политической напряжённости между Республикой Корея и КНДР. Важность внешнеэкономических отношений подчёркивает значительное внимание, которое уделено в разделе российско-южнокорейских экономических отношений совместным проектам. Среди таковых, в частности, развитие торгового судоходства по Северному морскому пути, региональные инвестиции в Дальний Восток России и логистические проекты [17, с. 1320]. Южнокорейские дипломатические документы свидетельствуют о восприятии российской стороны как надёжного и важного партнёра, сотрудничество с которым должно быть усилено.

Стратегия «Девяти мостов», начатая при президенте Мун Чжэ Ине, подразумевала логическое развитие данного благожелательного подхода. Внешнеполитическая концепция новой демократической администрации предполагала дальнейшее усиление сотрудничества двух стран

в инфраструктурных проектах и судостроении, развитии экономики Дальнего Востока [9, с. 109; 28, с. 111]. Как отмечает А.Л. Лукин, реальная практика показала отсутствие значительного прогресса по сравнению с предыдущим периодом. В то время как южнокорейские инвестиции в российское судостроение дают плоды, большинство намеченных проектов, в числе которых развитие судоходства по Северному морскому пути и строительство инфраструктуры для поставок энергоресурсов, не получили должной реализации. Многие из заявленных на международных форумах южнокорейских инвестиционных инициатив остались на бумаге [14, с. 63, 67].

Причины относительно неудачных результатов экономических инициатив лежат в первую очередь в неготовности южнокорейского бизнеса инвестировать в российскую экономику, чему виной как санкционная политика США (опасение вторичных санкций), так и сложные инвестиционные условия. Однако в отношениях Республики Корея и России исторически существуют и иные противоречия, главным образом политические и информационные. Для антикитайски настроенной части общества Россия выступает политическим партнёром Пекина на международной арене. Также внутри страны велико влияние западной прессы: как отмечает ряд аналитиков, именно западный информационный нарратив является определяющим для южнокорейских СМИ, что пагубно влияет на восприятие России в обществе. После ограничения связей вследствие пандемии COVID-19 и прихода новой консервативной администрации президента Юн Сок Ёля в 2022 г. перспективы сотрудничества представляются неясными.

Отметим, что текущее резкое изменение внешнеполитического вектора политики Южной Кореи от рационального экономического и политического прагматизма в сторону альянса с США и охлаждения отношений с Россией и Китаем не было предрешено, однако имело ряд объективных предпосылок. Представляется, что для Сеула основной сложностью в настоящий период выступает сам факт усилившегося политического разделения Азиатско-Тихоокеанского региона и назревающие перспективы конфронтации ведущих региональных держав — не только США, Китая и России, но в перспективе также и других вовлечённых стран, таких как Япония. В условиях кризиса, связанного с Тайванем,

и конфронтации в целом перед южнокорейской дипломатией стоит сложная задача: свои лучшие результаты она показывала в более спокойной обстановке взаимного сотрудничества и диалога.

По прошествии первого года нахождения президента Юн Сок Ёля и его правительства у власти можно сделать ряд осторожных выводов. Ожидаемые изменения оказались не столь радикальны, как их представляли международные аналитики. Не произошло принципиальной радикализации политики по отношению к КНДР. Президент Юн действительно сделал несколько заявлений относительно перспектив межкорейских отношений, в том числе о том, что «эра умиротворения Севера закончилась». Однако принципиальных последствий такая риторика не имела. Известный российский кореевед А.Н. Ланьков характеризует его политику как принципиальное «игнорирование» северокорейского фактора [12]. Показательным в этом отношении является эпизод с залётом северокорейских БПЛА на территорию Юга, который не привёл к серьёзным ответным действиям [11]. Президент Юн пообещал разорвать межкорейский договор 2018 г. при повторении инцидента. Фактически фактор новой конфронтации с северным соседом сейчас будет воспринят обществом негативно ввиду острых внутренних проблем, таких как инфляция и следующий за ней рост цен [7].

Схожая ситуация остаётся и в отношении санкционного давления стран Запада на Россию: даже после прихода к власти консервативной администрации президента Юн Сок Ёля Республика Корея достаточно осторожно участвует в санкционной политике, главным образом избегая вторичных санкций против южнокорейских компаний за нарушение санкционной политики США (отметим, что санкционное давление было значительно усилено во второй половине 2022 и в 2023 г.) [4, с. 24]. Как отмечает К.В. Иванов, «Республика Корея в лице корейских компаний пытается избежать полного разрыва отношений, что обусловлено скорее нежеланием потерять рынок и деньги, нежели каким-либо альтруизмом в отношении России» [4, с. 25]. В целом не похоже, чтобы Южная Корея предпринимала радикальные шаги в сторону пересмотра внешней политики. В будущем, однако, ситуация может измениться — по мере того, как меняется внутренняя конъюнктура и общественное мнение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно утверждать, что внешняя политика Республики Корея в Северо-Восточной Азии на современном этапе представляет собой сложную систему отношений, которую характеризует поиск баланса между альянсом с США и проведением нейтральной внешней политики в духе регионального сотрудничества. Сохраняется высокая значимость военно-политического направления, при котором Сеул выступает как активный сторонник союза с США, особенно в условиях усиливающихся противоречий между Соединёнными Штатами и Китаем. Опыт внешней политики Республики Корея второго десятилетия XXI в. продемонстрировал преимущество внешнеполитического взаимодействия со странами региона: и левые, и правые правительства стремились к диверсификации внешней политики страны и усилению регионального сотрудничества с упором на экономическое влияние и «мягкую силу», выраженную в культурных и социальных инициативах.

Меняющаяся архитектура международных отношений в регионе вносит серьёзные коррективы в политику страны. Изучение эволюции внешней политики Республики Корея во втором десятилетии XXI в. показывает, что президентские администрации как консерваторов, так и демократов, несмотря на разницу идеологии и внутреннего курса, демонстрируют выраженную преимущество во внешней экономической политике страны по отношению к крупнейшим торговым партнёрам. Это видно, в частности, в отношениях Китая и Республики Корея, экономические отношения которых остаются очень интенсивными, несмотря на усиливающиеся политические разногласия.

Российская Федерация, несмотря на сравнительно небольшой объём экономического сотрудничества между странами, на протяжении десятилетий остается важной частью внешнеполитической концепции Республики Корея. Россия является ключевым элементом архитектуры безопасности региона Северо-Восточной Азии, играющим важную роль в урегулировании кризисов на территории Корейского полуострова. Кроме того, для Республики Корея обширная территория России, простирающаяся от Балтики до Тихого океана, является естественным логистическим путём для импорта

и экспорта южнокорейской продукции, а также для поставок энергоресурсов, с которыми связана энергетическая безопасность страны. Особняком стоит культурная дипломатия, направленная на укрепление связи с корейской диаспорой в России и культурное сотрудничество двух стран. Несмотря на резкое охлаждение отношений между странами в 2022 г., накопленный опыт взаимодействия подсказывает, что отношения могут быть восстановлены и расширены в будущем.

Особое место в международных отношениях продолжает занимать треугольник США — Япония — Южная Корея, являющийся основой для проецирования проамериканского влияния в регионе. Самым слабым местом в нём оказываются отношения между Японией и Республикой Корея, при этом основа противоречий между странами лежит в сфере исторической памяти и геополитики, а не экономики. Усиление Японии и становление её в качестве не просто самостоятельного, но ключевого игрока региональной политики вызывает серьёзную обеспокоенность в южнокорейской политической элите.

Несмотря на значительные перемены во внешней политике, можно сделать вывод о том, что фундаментальные, прагматичные основы южнокорейской модели международных отношений останутся неизменными, и страна останется партнёром для государств с различной геополитической ориентацией.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Асмолов К.В. Южная Корея между США и КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26. С. 221—241.
2. Бритова В.Р. «Глобальное развитое государство» президента Республики Корея Ли Мён Бака (2008—2013 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1 (56). С. 150—159.
3. Ермолаева Е.М. Формирование и развитие идеологии внешней политики Республики Корея // Genesis: исторические исследования. 2020. № 7. С. 39—50.
4. Иванов К.В. Российско-южнокорейские отношения в условиях турбулентности системы международных отношений: вызовы и перспективы // Россия и Корея в современном информационном пространстве: тезисы и доклады международной научно-практической конференции. Иркутск, 1—2 октября 2022 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. С. 22—27.

5. Ивашенцов Г.А., Каратеев С.С., Меламед И.И. Азиатско-Тихоокеанский регион и восточные территории России: прогнозы долгосрочного развития. М.: Красанд, 2014. 160 с.
6. Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33—38.
7. Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М.: Навона, 2010. 240 с.
8. Котляр Н.В., Ходова С.Ф. Конфликтное взаимодействие в АТР: территориальные споры в 2010—2012 гг. // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 158—169.
9. Кукла М.П. Роль КНР во внешней торговле Республики Корея // Известия Восточного института. 2012. № 2. С. 80—86.
10. Кукла М.П. Экономическая политика новой администрации Республики Корея и перспективы российско-корейского сотрудничества // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2—3. С. 46—56.
11. Ланьков А.Н. Северокорейский ответ на южнокорейский ответ. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/severokoreyskiy-otvet-na-yuzhnokoreyskiy-otvet/> (дата обращения: 20.03.2023).
12. Ланьков А.Н. Юн Сок Ёль и его команда. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/yun-sok-yel-i-ego-komanda/> (дата обращения: 20.03.2023).
13. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014—2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 1 (91). С. 5—29.
14. Лукин А.Л. Инициатива «девяяти мостов» президента Мун Чжэ Ина: предварительные итоги для российско-южнокорейских экономических отношений // Известия Восточного института. 2020. № 4 (48). С. 61—75.
15. Лукин А.Л., Коротич С.А. Евразийская инициатива после Пак Кын Хе: развитие, современное состояние и перспективы южнокорейских интеграционных проектов // Известия Восточного института. 2016. № 4 (32). С. 102—112.
16. Отарчиев А.М. Как Южная Корея реагирует на соперничество США и Китая? // Корееведение в России: направление и развитие. 2021. № 2. С. 130—134.
17. Паладиос К.Э., Цилли А.Э. Отношения Республики Корея и Российской Федерации на современном этапе // Постсоветские исследования. 2019. № 5. С. 1313—1327.
18. Песцов С.К., Волынчук А.Б. Российская активность и приоритеты в отношениях со странами Северо-Восточной Азии // У карты Тихого океана. 2017. № 48 (246). С. 26—37.
19. Родионов В.А., Бритова В.Р. Республика Корея как «средняя держава»: теория и практика // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 53—62.
20. Соколькова Т.Г. Современное состояние и перспективы развития рынка нефти АТР. Позиция России // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2013. № 3 (1). С. 105—108.
21. Толорая Г.Д. У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века: монография / предисл. А.В. Торкунова; отв.

- ред. М.Е. Тригубенко. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019. 425 с.
22. Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008—2020 гг.). М.: Просвещение, 2021. 448 с.
 23. Фархетдинова Э.Т. Современное геополитическое положение Республики Корея: на стыке интересов США и КНР // Конфликтология / nota bene. 2023. № 1. С. 59—72.
 24. Федоровский А.Н. Приоритеты участия Республики Корея в интеграционных проектах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 144—157.
 25. Шарапов А.А. Геополитические процессы на Корейском полуострове // EESJ. 2020. № 5-5 (57). С. 60—63.
 26. 2014 Diplomatic White Paper. Part 2: Securing Peace and Stability on the Korean Peninsula. URL: а (дата обращения: 20.07.2023).
 27. 2015 Diplomatic White Paper. Part 4. URL: https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=file_20151224150715835_0&rs=/viewer/result/202308 (дата обращения: 23.07.2023).
 28. 2021 Diplomatic White Paper. Part 4. URL: <https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20211231112239035.pdf&rs=/viewer/result/202308> (дата обращения: 26.07.2023).
 29. *Asia's Alliance Triangle: US-Japan-South Korea Relations at a Tumultuous Time*. New York City Asan-Palgrave Macmillan Series, Palgrave Macmillan Publishing, 2015. 282 p.
 30. Chung Ming Lee. South Korea Is Caught Between China and the United States. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/10/21/south-korea-is-caught-between-china-and-united-states-pub-83019> (дата обращения: 20.03.2023).
 31. Japan-Republic of Korea Joint Declaration A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-first Century. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1998. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (дата обращения: 20.03.2023).
 32. Korean Statistical Information Service (KOSIS). International Trade balance: Exports and imports by Nation. URL: https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01 (дата обращения: 25.07.23).
 33. Park Nathan S. Abe Ruined the Most Important Democratic Relationship in Asia. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/09/04/shinzo-abe-japan-south-korea-war-nationalism> (дата обращения: 20.03.2023).
 34. Patterson D., Choi J. Diplomacy, Trade, and South Korea's Rise to International Influence // *International Area Studies Review*. 2018. No. 21 (1). P. 9—27.
 35. Signing of the Convention between Japan and the Republic of Korea for the Avoidance of Double Taxation and the Prevention of Fiscal Evasion with Respect to Taxes on Income (New Japan-ROK Tax Convention) and Related Exchange of Notes. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1998. URL: <https://www.mofa.go.jp/announce/announce/1998/10/1008-3.html> (дата обращения: 20.03.2023).
 36. Snyder S.A. *South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers*. Columbia University Press, 2018. URL: <https://doi.org/10.7312/snyd18548> (дата обращения: 20.03.2023).

REFERENCES

1. Asmolov K.V. Yuzhnaya Koreya mezhdu SShA i KNR [South Korea between the USA and China]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*, 2021, no. 26, pp. 221—241. (In Russ.)
2. Britova V.R. “Global’noe razvitoe gosudarstvo” prezidenta Respubliki Koreya Li Men Baka (2008—2013 gg.) [“The Global Developed State” of the South Korean President Lee Myung-bak “(2008—2013)”. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2021, no. 1 (56), pp. 150—159. (In Russ.)
3. Ermolaeva E.M. Formirovanie i razvitie ideologii vneshney politiki Respubliki Koreya [Formation and Development of the Ideology of the Foreign Policy of the Republic of Korea]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2020, no. 7, pp. 39—50. (In Russ.)
4. Ivanov K.V. Rossiysko-yuzhnokoreyskie otnosheniya v usloviyakh turbulentnosti sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy: vyzovy i perspektivy [South Korea — Russia Bilateral Relations in the Circumstances of the Tumultuous International Relations: Challenges and Prospects]. *Rossiya i Koreia v sovremennom informatsionnom prostranstve: tezisy i doklady mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Irkutsk, 1—2 oktyabrya 2022 g.* [Russia and South Korea in Modern Information Space: Abstracts and Proceedings of the International Applied Research Conference. Irkutsk, 1—2 October 2022]. Irkutsk, Izd-vo IGU, 2022, pp. 22—27. (In Russ.)
5. Ivashentsov G.A., Karateev S.S., Melamed I.I. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region i vostochnye territorii Rossii: prognozy dolgosrochnogo razvitiya* [The Asia-Pacific Region and Eastern Territories of Russia: Long-Term Development Forecasts]. Moscow, Krasand Publ., 2014, 160 p. (In Russ.)
6. Kistanov V.O. Otnosheniya mezhdu Yaponiey i Yuzhnoy Koreey: problemy, tendentsii, perspektivy [Relations between Japan and South Korea: Problems, Trends, Prospects]. *Yaponskie issledovaniya*, 2019, no. 3, pp. 33—38. (In Russ.)
7. Koldunova E.V. *Bezopasnost' v Vostochnoy Azii: novye vyzovy* [Security in East Asia: New Challenges]. Moscow, Navona Publ., 2010, 240 p. (In Russ.)
8. Kotlyar N.V., Khodova C.F. Konfliktnoe vzaimodeystvie v ATR: territorial'nye spory v 2010—2012 gg. [Conflict Interaction in the Asia-Pacific Region: Territorial Disputes in 2010—2012]. *Rossiya i ATR*, 2012, no. 4, pp. 158—169. (In Russ.)
9. Kukla M.P. Rol' KNR vo vneshney torgovle Respubliki Koreya [The Role of the DPRK in the Foreign Trade of the Republic of Korea]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2012, no. 2, pp. 80—86. (In Russ.)
10. Kukla M.P. Ekonomicheskaya politika novoy administratsii Respubliki Koreya i perspektivy rossiysko-koreyskogo sotrudnichestva [The Economic Policy of the New Presidential Administration of the Republic of Korea and Prospects of Russian — South Korean Cooperation]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*, 2017, no. 2—3, pp. 46—56. (In Russ.)
11. Lan'kov A.N. *Severokoreyskiy otvet na yuzhnokoreyskiy otvet* [North Korean Response to South Korean Response]. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/severokoreyskiy-otvet-na-yuzhnokoreyskiy-otvet/> (accessed 20.03.2023). (In Russ.)

12. Lan'kov A.N. *Yun Sok El' i ego komanda* [Yoon Seok Yeol and His Team]. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/yun-sok-yel-i-ego-komanda/> (accessed 20.03.2023). (In Russ.)
13. Larin V.L., Larina L.L. Ekspertnoe sobshchestvo Tikhookeanskoy Rossii o vneshney politike, mezhdunarodnykh otnosheniyakh i razvitiy Dal'nego Vostoka (po itogam oprosa 2014—2015 gg.) [The Expert Community of Pacific Russia on Foreign Policy, International Relations and the Development of the Far East (Based on the Results of the 2014—2015 Survey)]. *Rossiya i ATR*, 2016, no. 1 (91), pp. 5—29. (In Russ.)
14. Lukin A.L. Initsiativa “devyati mostov” prezidenta Mun Chzhe Ina: predvaritelnye itogi dlya rossiysko-yuzhnokoreyskikh ekonomicheskikh otnosheniy [The ‘Nine Bridges’ Initiative of the South Korea’s President Moon Jae-in: Preliminary Results for the South Korean-Russian Economic Relations]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2020, no. 4 (48), pp. 61—75. (In Russ.)
15. Lukin A.L., Korotich S.A. Evraziyskaya initsiativa posle Pak Kyn Khe: razvitie, sovremennoe sostoyanie i perspektivy yuzhnokoreyskikh integratsionnykh proektov [Eurasian Initiative after Park Geun-hye: Development, Current State and Prospects of South Korean Integration]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2016, no. 4 (32), pp. 102—112. (In Russ.)
16. Otarchiev A.M. Kak Yuzhnaya Koreya reagiruet na sopernichestvo SShA i Kitaya? [How Does South Korea React to the US — China Rivalry?]. *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie*, 2021, no. 2, pp. 130—134. (In Russ.)
17. Palatsios K.E., Tsilli A.E. Otnosheniya Respubliki Koreya i Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape [Relations between the Republic of Korea and the Russian Federation at the Present Stage]. *Postsovetskie issledovaniya*, 2019, no. 5, pp. 1313—1327. (In Russ.)
18. Pestsov S.K., Volynchuk A.B. Rossiyskaya aktivnost' i priority v otnosheniyakh so stranami Severo-Vostochnoy Azii [Russian Activity and Priorities in Relations with the Countries of Northeast Asia]. *U karty Tikhogo okeana*, 2017, no. 48 (246), pp. 26—37. (In Russ.)
19. Rodionov V.A., Britova V.R. Respublika Koreya kak “srednyaya derzhava”: teoriya i praktika [The Republic of Korea as a ‘Middle Power’: Theory and Practice]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2021, no. 3 (43), pp. 53—62. (In Russ.)
20. Sokol'tsova T.G. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rynka nefi ATR. Pozitsiya Rossii [The Current State and Prospects of the Development of the APR Oil Market. Russia’s Position]. *Interekspo Geo-Sibir'*, 2013, no. 3 (1), pp. 105—108. (In Russ.)
21. Toloraya G.D. *U vostochnogo poroga Rossii. Eskizy koreyskoy politiki nachala XXI veka: monografiia* [By the Eastern Threshold of Russia. The Drafts of the Korean Policy at the Beginning of the 21st Century: Monograph]. Foreword by A.V. Torkunov, executive ed. M.E. Trigubenko. Moscow, Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya “Dashkov i K^o” Publ., 2019, 425 p. (In Russ.)
22. Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V. *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentykh let (2008—2020 gg.)* [Modern Korea: Metamorphoses of the Tumultuous Years (2008—2020)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2021, 448 p. (In Russ.)
23. Farkhetdinova E.T. Sovremennoe geopoliticheskoe polozhenie Respubliki Koreya: na styke interesov SShA i KNR [The Modern Geopolitical Position

- of the Republic of Korea: At the Intersection of Interests of the US and China]. *Konfliktologiya / nota bene*, 2023, no. 1, pp. 59—72. (In Russ.)
24. Fedorovskiy A.N. Prioritety uchastiya Respubliki Koreya v integratsionnykh proektakh [Priorities of the Participation of the Republic of Korea in Integrational Projects]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2017, no. 4, pp. 144—157. (In Russ.)
 25. Sharapov A.A. Geopoliticheskie protsessy na Koreyskom poluostrove [Geopolitical Processes on the Korean Peninsula]. *EESJ*, 2020, no. 5-5 (57), pp. 60—63. (In Russ.)
 26. *2014 Diplomatic White Paper. Part 2: Securing Peace and Stability on the Korean Peninsula*. Available at: https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=file_20151224145708811_0&rs=/viewer/result/202308 (accessed 20.07.2023). (In Eng.)
 27. *2015 Diplomatic White Paper. Part 4*. Available at: https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=file_20151224150715835_0&rs=/viewer/result/202308 (accessed 23.07.2023). (In Eng.)
 28. *2021 Diplomatic White Paper. Part 4*. Available at: <https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20211231112239035.pdf&rs=/viewer/result/202308> (accessed 26.07.2023). (In Eng.)
 29. *Asia's Alliance Triangle: US-Japan-South Korea Relations at a Tumultuous Time*. New York City, Asan-Palgrave Macmillan Series, Palgrave Macmillan Publishing Publ., 2015, 282 p. (In Eng.)
 30. Chung Ming Lee. *South Korea Is Caught Between China and the United States*. Available at: <https://carnegieendowment.org/2020/10/21/south-korea-is-caught-between-china-and-united-states-pub-83019> (accessed 20.03.2023). (In Eng.)
 31. *Japan-Republic of Korea Joint Declaration A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-first Century*. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1998. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (accessed 20.03.2023). (In Eng.)
 32. *Korean Statistical Information Service (KOSIS). International Trade Balance: Exports and Imports by Nation*. Available at: https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01 (accessed 25.07.2023). (In Eng.)
 33. Park Nathan S. *Abe Ruined the Most Important Democratic Relationship in Asia*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/09/04/shinzo-abe-japan-south-korea-war-nationalism/> (accessed 20.03.2023). (In Eng.)
 34. Patterson D., Choi J. Diplomacy, Trade, and South Korea's Rise to International Influence. *International Area Studies Review*, 2018, no. 21 (1), pp. 9—27. (In Eng.)
 35. *Signing of the Convention between Japan and the Republic of Korea for the Avoidance of Double Taxation and the Prevention of Fiscal Evasion with Respect to Taxes on Income (New Japan-ROK Tax Convention) and Related Exchange of Notes*. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1998. Available at: <https://www.mofa.go.jp/announce/announce/1998/10/1008-3.html> (accessed 20.03.2023). (In Eng.)
 36. Snyder S.A. *South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers*. Columbia University Press, 2018. URL: <https://doi.org/10.7312/snyd18548> (accessed 20.03.2023). (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 12.05.2023